

Б.Лаумане (Рига)

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДРЕВНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ
АРЕАЛОВ ЛАТЫШСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В памятниках латышского письменного языка XVII в. можно встретить целый ряд примеров локальных (диалектных) особенностей латышского языка с указанием на их территориальное распространение: например, в словаре Г.Манцелиуса "Lettus" и "Phraseologia Lettica" насчитывается около 100 таких помет.

Ареальная специфика характерных особенностей диалектов латышского языка (в частности, верхнелатышского диалекта), отразившаяся в собранных 350 лет спустя современных диалектных материалах, в большинстве случаев совпадает с той локализацией аналогичных особенностей, которая засвидетельствована источниками XVII в. Это свидетельствует об устойчивости некоторых диалектных черт верхнелатышского диалекта и неизменности его ареала (в частности, его западной границы, проходящей близ Тауркалне - Валле). Аналогичная устойчивость местных диалектных особенностей прослеживается и на территории Курземе. На основе указанных фактов приходим к заключению, что устойчивость характерна для языковых диалектных черт латышского языка в целом.

Диалектные особенности письменных памятников XVII в., если в них нет указания на территориальное распространение языкового явления, весьма надежно локализируются, исходя из современных территориальных особенностей данного явления. Так называемые "ошибки" и "испорченные формы" латышской грамматики 1644 г. ("Manuductio...") находят объяснение при сопоставлении фактов современных южных говоров Видземе: Айзраукле, Кокнесе, Плявиняс и др.

Ареал распространения некоторых диалектных особенностей словообразования и лексики Курземе прослеживается и в еще более отдаленном прошлом - в письменных памятниках XIII-XIV вв. -

ономастическом материале западной Латвии и частично Литвы. Ареал распространения может служить одним из характерных признаков для определения возможной генетической принадлежности данных явлений к куршскому языку. Эти явления сопоставимы с древнепрусской апеллятивной лексикой и ономастическим материалом. Наличие параллелей в лексическом материале древнепрусского языка особенно характерно для географических терминов Курземе. Древность географической лексики в целом в данном случае может служить подтверждением надежности курско-древнепрусских соответствий и тесной близости (существование общей лексики) обоих языков.

Ю.-С.Лаучюте (Ленинград)

ПОЛЕСЬЕ - ЗОНА РАНЫХ БАЛТИЙСКИХ
И СЛАВЯНСКИХ КОНТАКТОВ

В последнее время в археологии и лингвистике возрос интерес к Полесью как к одному из районов предполагаемой прародины славян и как к зоне, где имели место самые ранние контакты древних праславян (или - правосточных славян) с различными племенами западных и восточных балтов, закончившиеся полной, но не одновременной славянизацией балтского населения. При этом намечается тенденция делить Полесье на западную и восточную части (вдоль рек Ясельда, Горынь и т.д.) ввиду того, что эти части имели разное этническое и языковое развитие. Одной из причин таких различий считается неодинаковый характер отношений западного и восточного Полесья с миром балтов.

Следы контактов с балтами сохранились в языке полесских (белорусских и украинских) говоров в виде лексических заимствований из балтийских языков - более 200 слов. Большую часть этих балтизмов составляют слова, заимствованные, кроме полес-

ских, и в другие говоры белорусского, польского или русско-го языков. Наибольший интерес для этногенетических исследований представляют те балтизмы, которые засвидетельствованы только в говорах Полесья (около 40 слов): это обстоятельство может свидетельствовать в пользу их раннего, субстратного заимствования.

Согласно известным нам данным, балтизмы Полесья составляют четыре ареальные группы: а) западный ареал, на котором отмечено около 50 балтизмов, из них собственно полесских — 30 слов; б) центральный ареал — около 30 балтизмов (собственно полесских — 9); в) восточный ареал — 18 слов (собственно полесских — 7); г) довольно многочисленную группу составляют балтизмы, распространенные по всему Полесью (около 20 слов). Для остальной части полесских балтизмов более точный ареал установить не удалось. Даже если допустить возможную неравномерность в изученности лексики отдельных говоров, количественное преобладание балтизмов в западном и центральном Полесье остается очевидным.

Полесским балтизмам свойственны некоторые семантические, фонетические и прочие особенности, отличающие их от балтизмов, засвидетельствованных в других славянских говорах и языках. Например:

а. Яркую группу составляют слова (около 25 балтизмов), обозначающие особенности местного рельефа, флоры и фауны. Это именно та группа лексики, которая характерна для заимствованной субстратного характера. Любопытно, что обозначения животного и растительного мира сосредоточены в западном и центральном Полесье. С другой стороны, именно говоры восточного Полесья дополнили группу балтизмов из области рыболовецкой лексики: нершить "нерестить", свировка "вид сети", гонка — то же (ср. более "балтскую" форму этого заимствования в северо-западных белорусских говорах: ганта, и в польском языке: ganta <лит. ganta);

б. Характерной особенностью балтизмов западного ареала

является большое количество глаголов (как правило, чаще всего заимствуются имена существительные) — 17 слов, из них 9 — собственно полесских, тогда как во всех остальных полесских говорах засвидетельствовано только 9 глаголов. Среди западнополесских балтизмов отмечена и другая, редко заимствуемая, часть речи — наречия: намац'ом "ощупью", гараз "хорошо, благополучно";

в. На ареале Полесья отмечены случаи сосуществования одного и того же балтизма в двух формах, одна из которых более изменена, славянизирована, а другая лучше сохранила облик балтийского источника, например: коміца "угловая часть цепа" и капа, капіца (ср. лит. kapras); марковина, марковник "плохой лес" и мяреча, мереча, хмареча (ср. лит. markā), кулісок "не до конца вымолоченный сноп" и куль (ср. лит. kūlys) и т.д.

Отмеченные особенности полесских балтизмов достаточно убедительно свидетельствуют о том, что западное и центральное Полесье испытало весьма сильное балтское влияние, которое отразилось и в большем количестве балтизмов, и в сохранении той части лексики, которая обычно заимствуется в условиях субстрата.

Особого внимания заслуживают факты двойного фонетического отражения некоторых балтизмов, что может быть объяснено и неодинаковой степенью архаичности отдельных полесских говоров, и наличием в прошлом двух (или более) волн балтского влияния. Последней волной, оживившей, обновившей и дополнившей более древний слой балтизмов, могли быть контакты времен Великого княжества Литовского. А хронологические рамки, причины и источники более древнего слоя балтизмов предстоит уточнять совместными усилиями лингвистов, археологов, историков, этнографов, антропологов.